

Мы правим
ночью

КЛЭР ЭЛИЗА БАРТЛЕТТ

Магия ворона (АСТ)

Клэр Элиза Бартлетт

Мы правим ночью

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Бартлетт К.

Мы правим ночью / К. Бартлетт — «Издательство АСТ»,
2019 — (Магия ворона (АСТ))

ISBN 978-5-17-118001-0

Семнадцатилетняя Ревна работает на заводе, где собирают боевые машины. Однажды она проявляет неосторожность: ее уличают в использовании запрещенной магии, и теперь ей грозят обвинения в предательстве и тюрьма. Между тем ее сверстница Линне бросает вызов своему отцу-генералу и записывается в армию, притворившись... парнем. Ведь в армию не берут девушек. Вместо наказания обеим предлагают стать летчицами в первом женском отряде и отправиться на смертельно опасную операцию. Роман «Мы правим ночью», сюжет которого основан на реальной истории «ночных ведьм», русских летчиц времен Второй мировой войны, – удивительная книга о непростых дружеских отношениях, самопожертвовании и воле к победе вопреки всему.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-118001-0

© Бартлетт К., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

1	6
2	12
3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Клэр Элиза Бартлетт

Мы правим ночью

Посвящается моей бабушке Лорен Боулинг, служившей в ВВС США и никогда не позволявшей мужчинам, доминирующим в патриархальном обществе, – да и никому другому – диктовать, как ей жить.

Claire Eliza Bartlett
WE RULE THE NIGHT

Text copyright © 2019 by Claire Eliza Bartlett
Cover art copyright © 2019 by Billelis. Cover design by Karina Granda
Cover copyright © 2019 by Hachette Book Group, Inc.
© В.М. Липка, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

1

Ночь нам не помеха

Ревна даже не понимала, что их ждет война. Пока не остановился завод.

Не обращая внимания на шторм, надвигавшийся с запада, она, как хорошая гражданка, сидела у ленты конвейера. Ее до краев переполняла организованная промышленная какофония. Мимо проплывали сверкающие фрагменты боевых жуков – подергиваясь, дрожа от страха, демонстрируя едва заметные признаки магии. Когда лента сбавила обороты, над общим гулом раздался голос контролера: «Девочки!»

Шипение, грохот и стук смолкли. Пальцы Ревны застыли в промасленных костях ноги, которая корчилась и вздрагивала, словно капризничала. Сердце у нее в груди бешено заколотилось, но она постаралась успокоить живой металл, чтобы ему не передалась охватившая ее тревога. За три года ее работы на заводе машины еще ни разу не останавливались.

Ревна оттолкнула кресло на колесиках от рабочего места и двинулась на нем вперед, ориентируясь на голос контролера. Машины, только что безостановочно выплевывавшие ноги, панцири и антенны, теперь застыли и высились вокруг, словно деревья. Она обогнула гигантский штамповочный пресс и увидела миссис Родойю, которая стояла в дверях своего кабинета, сложив на животе руки. Остальные работницы тоже подтягивались, бросая конвейеры и клепальные машины и ныряя под кранами, чтобы добраться до места сбора. Когда они все собрались перед штамповочным прессом, хватаясь друг за друга скользкими пальцами, миссис Родойя глубоко вздохнула и сказала:

– Собирайте вещи. Мы эвакуируемся.

«О господи», – машинально подумала Ревна, хотя добропорядочным девушкам Союза не полагалось думать о боге. Для эвакуации у них могла быть одна-единственная причина – Эльда. Перед ее мысленным взором предстали полчища мужчин в серо-голубых мундирах, марширующих в дыму, несущих суровые милости завоевателей. Но в Таммин эльды входить не станут – они сотрут его с лица земли с помощью Драконов из огня и стали.

Когда они являлись, их целью всегда становились заводы.

Миссис Родойя велела всем вернуться на рабочие места и взять с собой комплекты жизнеобеспечения для экстренных случаев, одобренные Военным министерством. Ревна взяла свой, пристегнула ремнем к спинке кресла и покатила к заводским воротам. Она вполне могла ходить сама, однако ее способность день ото дня стоять на протезах вызывала у миссис Родойи сомнения, а добропорядочной девушке Союза полагалось прислушиваться к мнению контролера.

Работницы выстроились парами у двери, каждая сжимала в одной руке комплект жизнеобеспечения, в другой – ладонь партнерши. Ревна подъехала к концу колонны. Ей некого было взять за руку и не от кого услышать, что все будет хорошо. Она направлялась не в убежище для добропорядочных граждан, Защитников Союза, а в альтернативное – для второсортных и неработающих. Там у нее будет возможность забраться в сырой подвал и поиграть с младшей сестренкой Лайфой, стараясь не замечать беспокойства в каждой черточке маминого лица.

До слуха Ревны донесся негромкий гул, будто на нее летела туча взбесившихся комаров. Узорный воздушный флот Эльды. У нее екнуло сердце. Убежище для граждан первой категории располагалось в пяти минутах ходьбы, однако ей, чтобы добраться до своего, требовалось десять, а мама работала еще дальше. Больше всего Ревне хотелось, чтобы рука, сжимающая ее ладонь, была маминной.

Хотя мама придет к ней в убежище, напомнила она себе. Там они будут вместе и наверняка в большей безопасности, чем на улице с эльдами и их аэропланами.

Миссис Родойя открыла заводские ворота и сосчитала проходившие мимо пары, отмечая каждую кивком головы. Затем схватилась за деревянные ручки кресла Ревны и без лишних вопросов покатила его перед собой. В душе девушки аллергической реакцией клокотал гнев, смешиваясь с волнением, от чего она почувствовала тошноту. Она могла каждое утро отправляться на работу – если уж на то пошло, попросту*ходить* на работу. Ее ноги – протезы из живого металла – врачи тамминского завода называли чудом. Но миссис Родойе не было дела до того, что думала ее подопечная или доктора. «Ну же, поторапливайтесь. Скорость для нас важнее гордости, правда?» – говорила она вначале во время тренировочных рейдов. Кто-нибудь другой на месте Ревны заехал бы ей кулаком, но девушка не хотела потерять работу. Она давала им с мамой возможность откладывать немного денег и получать дополнительный паек для Лайфы.

– Я вас немного провожу, – сказала миссис Родойя. – Но только до развилки, потому что мне нужно позаботиться о других девочках. Дальше вы сами.

Эти слова она произносила во время каждой учебной тревоги, однако теперь ее голос, когда она созывала остальных, звучал резковато и чуть ли не срывался на визг.

– Быстрее, не мешкайте.

Работницы завода пошли вперед. Миссис Родойя с Ревной двинулись за ними, слегка накренившись в тот момент, когда заднее колесо кресла девушки налетело на камень на обочине дороги.

С заводских конвейеров форпоста Таммин сходили ноги, панцири, ружья, шлемы – все, в чем нуждалась набравшая обороты военная машина Союза. Все было в масле и грязи: кирпичные стены, окна и уличные фонари, которые никто больше не зажигал. Даже пропагандистские плакаты, и те покрывались слоем сажи через пару дней после того, как расклейщицы развешивали их на стенах завода. Мимо Ревны один за другим мелькали образы Груши, добропорядочной девушки Союза в патриотичной красной форме, уже забрызганной маслом и грязью. «НЕ БОЛТАЙ! СПЛЕТНИ МЕШАЮТ СОЗДАВАТЬ БОЕВЫЕ МАШИНЫ», – гласил один из плакатов, на котором она сердито прикладывала к губам палец. Следующий уверенно заявлял: «НОЧЬ РАБОТЕ НЕ ПОМЕХА». «УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА – ЗАЛОГ ХОРОШЕЙ ПОДГОТОВКИ», – сообщал третий.

Теперь это все казалось Ревне комичным. Она столько раз проходила путь к убежищу во время учений, что теперь могла бы добраться туда даже во сне. Однако в реальной жизни существовали неожиданности. В реальной жизни были Драконы.

Негасимые заводские огни вокруг них медленно потухли, и в сумерках безоблачное небо над головами показалось глубоким. На нем яблоком с фермерского сада висела луна – налившаяся, жирная, окруженная звездами. То тут, то там стремительно неслись паланкины, на передках которых с мрачным видом сидели офицеры. Ни армии, собиравшейся защищать Таммин, ни отряда боевых жуков, выстроившихся и готовых драться, не было и в помине. Жителям придется пережить нападение в убежищах, надеясь, что, когда они оттуда выйдут, от города еще что-то останется.

Колонна девушек заволновалась – охватившая их тревога нарастала с каждой минутой.

– Спокойно, – сказала миссис Родойя.

Во время учебных тревог сохранять спокойствие казалось делом простым, но сейчас, когда от зданий отскакивало эхо гула воздушного флота, это было куда труднее. Ревна сжимала руки в кулаки до тех пор, пока они не перестали дрожать. «Не будь такой трусихой», – сказала она себе. Но она давно забыла, что такое храбрость. Порой ей казалось, что вместе с ногами врачи заодно ампутировали ей и мужество.

Может, эльды полетят дальше, может, просто разведуют обстановку или сбросят бомбы на другую цель? Ревна знала, насколько эгоистично надеяться, что кто-то другой умрет вместо

тебя. Но она думала не только о себе. Каждая минута тишины давала маме возможность ближе подойти к убежищу.

Когда они дошли до конца улицы, на окраине города раздался первый взрыв. Задрожала земля, их окатил громopodobный грохот. Две девушки закричали. В ушах Ревны застучала кровь, заглушая вой летательного аппарата. Баланс между порядком и паникой тут же нарушился, и те, кто шел впереди, прибавили шаг.

– Спокойно, девочки.

Неужели миссис Родойе обязательно надо это говорить?

– Налево, – скомандовала она; они повернули и влились в поток рабочих, хлынувший с заводов и, склонив головы, поспешно ринулись к предписанным убежищам. **УЧЕБНАЯ ТРЕВОГА**, вероятно, и в самом деле **ЗАЛОГ ХОРОШЕЙ ПОДГОТОВКИ**. Несколько мужчин и женщин с ружьями в руках бросились вперед. Каждый Защитник Союза обязательно обучался обращению с этим оружием, некоторых из них назначили бойцами немедленного реагирования, и они должны были во время бомбардировок при первой же возможности вести ответный огонь. Раньше мама тоже прекрасно владела стрелковым оружием, но потом папу арестовали, и их семья утратила статус Защитников Союза. Теперь их ружья сжимали совсем другие руки.

Небо опять сотряс громкий треск, земля вновь содрогнулась. Эльды подошли ближе. Сумерки заволкло дымом, и Ревна услышала негромкое жужжание, будто где-то рядом летел пчелиный рой. Потом учуяла в воздухе резкий запах горящего металла и слегка наморщила нос. Открытый огонь в заводском городе всегда опасен.

Колонна остановилась. В передних рядах кто-то ахнул.

– Девочки... – произнесла миссис Родойя.

На дороге стоял человек – мужчина в серебристой шинели.

У Ревны вздрогнули протезы из живого металла. Благодаря шинели и голубой звезде, приколотой под ее воротником, его можно было узнать безошибочно. Он входил в подразделение «Скаров» – Особый контрразведывательный отряд военного времени. В последний раз Ревна видела представителя «Скарова» в тот день, когда увели отца. А потом много лет думала, что они придут и за ней. Контрразведывательный отряд то появлялся в Таммине, то исчезал, доставив письма и припасы. А время от времени он забирал людей.

Человек мазнул взглядом по их группе и рявкнул:

– Чего встали?! Шагайте дальше! Думаете, у вас вся ночь впереди?

Жужжание над головами стало громче.

По сравнению с офицером «Скарова» угроза со стороны Дракона была хоть и не столь непосредственной, зато более страшной в плане последствий. Девочки впереди рискнули обойти скаровца. А когда он ничего в ответ не предпринял и лишь закатил глаза, колонна двинулась быстрее. На этот раз Ревну ничуть не расстраивало то, что миссис Родойя толкала перед собой ее кресло.

На свете не нашлось бы даже двух людей, которые сошлись бы во мнении относительно возможностей членов «Скарова». Поскольку **СПЛЕТНИ НЕ СПОСОБСТВУЮТ СОЗДАНИЮ БОЕВЫХ МАШИН**, этот вопрос они с девочками обсуждали только когда рядом не было контролеров. И хотя оставшийся после ареста отца шрам на сердце все еще не зарубцевался, она не могла припомнить ни одного доказательства магии, которой якобы обладали его офицеры. Ревна слышала, что они могут читать мысли, принимать другой облик и узнать имя девушки, просто заглянув ей в глаза. Она во все это не верила. Однако когда скаровец на нее посмотрел, не смогла отвести взгляд. У него были карие глаза необычного оттенка, почти рыжие в гаснущем свете дня. В голове Ревны пронеслись тысячи страхов и признаний. Офицер «Скарова» опустил глаза на ее протезы, торчавшие из штанин рабочих брюк, и на мгновение спесивая надменность на его лице сменилась выражением более знакомым, но от того не менее противным – жалостью. Кресло проехало мимо него и покатило дальше.

Жужжание вокруг стало выше и настойчивее. Девочки в передних рядах побежали.
– Остановитесь... – закричала миссис Родойя.

Дракона Ревна не увидела, но услышала его глубокий, вонзающийся в душу крик. Потом у него в брюхе открылся люк и вниз посыпались бомбы. Звук напоминал брачный клич какого-то кичливого создания. Создания, принесшего с собой огонь и пыль. Улица рядом с ними полыхнула взрывами.

Когда их накрыла жаркая волна, Ревна вскинула руки. Миссис Родойя выпустила ручки ее кресла, и мир зашатался, словно пытаясь от них избавиться. На спецовку градом обрушилась галька, разрывая одежду в клочья, один камешек вгрызся в руку. Кто-то схватил Ревну за плечо, она открыла глаза. Над ней склонилась миссис Родойя, беззвучно шевеля ртом.

– Ревна, – прочла девушка по ее губам.

Из уст контролерши хлынул поток слов, теряясь в тумане и высоком вое, который стоял у Ревны в ушах. Потом контролерша повернулась, бросилась по дороге за остальными и исчезла в дыму.

В горле у девушки застрял ком из паники и пыли. Над дорогой угрожающе накренились дома. Украшенные пропагандистскими плакатами, плещущимися на ветру, они уже выглядели наполовину разрушенными. Девушка попыталась медленно и глубоко вдохнуть, но разве ей это под силу, когда со всех сторон угрожает разгромленный Таммин? Она закрыла рукой рот. Надо определить проблему, как не раз учил ее папа. Ясность мышления прокладывает путь к подлинному пониманию. Он любил говорить, что *проблему нельзя решить, не зная, в чем она заключается*.

Проблема заключалась в следующем: миссис Родойя убежала. Если Ревна хочет добраться до убежища, ей придется идти самой. Раньше, когда над головой было ясное небо, а Драконы представляли собой лишь умозрительную угрозу, одолеть этот путь ей было бы совсем не трудно. Она попыталась выехать на улицу, но колеса застряли на булыжной мостовой.

Эта проблема была не единственной: если она не попадет в убежище для второсортных граждан в ближайшее время, его закроют и она останется на улице.

На короткий миг город затих. Может, эльды со своим Драконом уже ушли? Может, всего лишь передали привет и двинулись дальше к настоящей цели? Но она могла просто не слышать, как они ныряют в туман, чтобы прийти за ней. В сером полумраке мира она никого не видела и не слышала. А это означало, что и ее тоже никто не увидит, если она использует Узор. Тот затаился шестым чувством в голове, где-то в районе затылка. Невидимые струны, пронзавшие мир и переплетавшиеся, словно нити, плотно прилегающие друг к другу на ткацком станке. В тех местах, где Узор разметали бомбы, эти нити висели лохмотьями, но уже тянулись друг к другу, пытаясь заделать дыру. Ревна не только чувствовала их, она даже могла их ухватить. Они трепетали от переполнявшей их магической энергии. Если она пустит в ход свои способности, то окажется рядом с мамой.

Но Узор, как проявление волшебства, был вне закона. Если магия искр несла в мир энергию, то использование Узора эту энергию искажало. В итоге Союз объявил его незаконным и аморальным. Но сегодня от него зависело, жить ей или умереть. И какая разница, повлияет Узор на полотно мира или нет, если тот и без того давно превратился в хаос?

Благонадежная дочь Союза, та хорошая девушка, что послушно внимала содержавшимся в пропагандистских плакатах призывам, даже думать об этом не стала бы. Свою жизнь она оценила бы ниже благосостояния родного края, и совсем не из-за страха перед Контрразведывательным отрядом или же длительным сроком заключения на острове-тюрьме. Она сделала бы это из любви к Союзу. Но вот Ревна Союз не любила. Он отнял у нее отца и заставлял работать маму по двенадцать часов в день. А ее саму поселил в грязном подвале для граждан второго сорта вместо прочного бетонного бункера, в котором обитали другие работницы завода. Для Союза она была бременем.

Ревна подняла себя с кресла и пошла по улице, обходя валявшиеся на дороге обломки и вытянув руки, чтобы в любой момент ухватиться за нить Узора, если споткнется.

За спиной прогрехотал взрыв, и сквозь вату в ушах она услышала пронзительный крик. Сердце гнало по венам не кровь, а жидкий ужас. Где-то там мама, возможно, пытается пробиться к убежищу по перекрытым дорогам через блокпосты бойцов «Скарова». Вскоре оно закроется. Но если она туда доберется, а мама нет...

Мир загудел. Дракон сделал еще один круг. На обращенное вверх лицо Ревны снегом посыпался пепел, к вспотевшему лбу прилипли маленькие снежинки.

Соседний старый дом, наполовину сложенный из бревен, как-то осел, будто те сотни лет, что он стоял, в одночасье взяли реванш. За его окнами полыхнуло пламя. С кровли вниз полетела drankа. Ревна застыла как вкопанная.

Рядом мелькнуло размытое серебристое пятно, офицер «Скарова» схватил ее за руку и потащил за собой. Его пальцы впились в плечо так глубоко, что наверняка оставят синяк.

– Идем! – заорал он.

Его голос показался девушке бесконечно далеким. Ревна поплелась за ним, спотыкаясь и задыхаясь от набившегося в рот пепла, горячего и горького.

Она не понимала, как лучше поступить: держаться к нему ближе или же оттолкнуть. Ее руки вцепились в шинель офицера. Она попыталась произнести «моя мама», но когда открыла рот, не смогла выдать ни звука. Уши без остатка заполнились биением ее сердца.

Мир стал темнеть. Огромная тень рассеяла пепел и пыль – смерть, потянувшаяся за последним поцелуем. Ревну, будто тисками, охватила уверенность. Уверенность, что она сейчас умрет. Вероятно, это был ее удел – вполне возможно, что именно этого от нее и ждал Союз. Только вот сама она ничего такого совсем не хотела.

Облако развалилось на части. Небо рухнуло вниз.

Она не думала ни об изяществе, ни об искусности. Не думала, расстреляют ее потом или нет. Ей хотелось жить.

Ревна потянулась к тому самому чувству, которое таилось в районе затылка. Схватила две нити и обхватила скаровца за пояс. Затем что было сил дернула.

Они стрелой ринулись вперед. Ревна сжимала ладони в кулаки до тех пор, пока ногти не впились в кожу. Нити в пальцах скользили, пытаясь вырваться и соединиться обратно с Узором. Девушка не смела их выпустить. Теперь она парила в собственной разреженной вселенной из пыли, дыма и хаоса и не знала, жива она еще или уже мертва.

Скаровец завопил и вонзил ей в руку пальцы. Жива. Она явно была жива. Нити Узора выскользнули из руки, и мир рванулся вверх им навстречу.

Первой упала Ревна, тяжело ударившись о кучу битого камня и перевернувшись на спину. Рядом повалился офицер «Скарова», подняв облако пыли. В спину девушки впились обломки кирпича и давно засохшие куски строительного раствора. Икры и культы прострелила боль. Грудная клетка агонизировала. Фантомные ступни горели. Она несколько раз моргнула сквозь застилавшие взор слезы. Боль – это хорошо; боль означала, что она не сломала спину при падении. Ревна попыталась сползти с кучи битого камня, но лишь впустую царапнула руками по гравию и кирпичной пыли.

Протезы. Неужели они сломались? Она нащупала ремешки. Окружавший ее дым потревожила какая-то тень. Скаровец поднялся на ноги и стал отряхивать шинель, не сводя с нее взгляда своих странных глаз.

Надо было понять, что прятаться без конца не получится. Все, кто владел магией Узора, считались злом. Как ей в голову могла прийти мысль, что она особенная? Какое она имела право разрушать мир?

«Его разрушили и без того», – подумала Ревна. Потом вдогонку пронеслась еще одна мысль: «Я никогда не хотела заходить так далеко. Не хочу умирать. О господи, я не хочу умирать». Но бога нет, и молиться некому. Так говорят законы Союза.

Скаровец шагнул вперед, наклонился и схватил девушку за протезы. Когда они выгнулись и ободрали ей кожу на культиях, она застонала. Он же их сломает!

– Прекратите, – взмолилась она, кашляя и сплевывая пепел.

Его руки скользнули вверх и схватили ее за талию под самой грудной клеткой. Она больше не переживала из-за протезов: как бы он не сломал ее саму.

«Я же тебя спасла, – пыталась она ему сказать, – прошу тебя». Но не могла вымолвить ни слова. Он рывком поставил ее на ноги и приказал:

– Шагай!

В его голосе звенела сталь. Он схватил ее за плечи и подтолкнул в нужном направлении. Ей оставалось только подчиниться.

2

Я с радостью отдаю сына

Линне стояла по стойке «смирно» у двери кабинета полковника и осыпала себя проклятиями. Сквозь тонкие стены доносился голос Кослена, который яростно распекал несчастного лейтенанта Таннова, и она могла уловить отдельные слова: *честь, позор, идиотизм*. Ох уж эта чертова кровь, которая текла в жилах Линне. Стоило ей расслабиться, как ее охватывал страх. Но секрет ее пребывания в армии в том и заключался, чтобы никогда не терять бдительности.

Так *было* раньше. А потом она сгруппировалась, позабыв об осторожности, и теперь стояла здесь. Несколько человек, проходя мимо, окинули ее любопытными взглядами. Она проигнорировала их, как игнорировала освистывание тех, кто полагал, что в факте унижительного раскрытия ее биологического пола есть что-то смешное. Осознав, что игра окончена, она залезла под кровать Таннова и тайком хлебнула бренди, надеясь, что это немного ее ободрит. И хотя она хлебнула только раз, самое большее два, мысли у нее в голове перемешались, и она не понимала, от алкоголя или от страха. К вечеру серое небо сменилось кровавым закатом, с наступлением сумерек резко похолодало. Как всегда ранней осенью, на горизонте громоздились облака, нависая холодной темной тенью до тех пор, пока из них с воем не вырывались на волю первые бури. Крики прекратились. Линне пожалела, что у нее не было времени выкурить расидиновую сигарету. Эх, и почему она не прикончила бутылку Таннова?

Скрипнула дверь. Из-за плеча донесся голос лейтенанта:

– Рядовой, вас желает видеть полковник... – сказал он и осекся. – Э-э-э... мисс.

Мисс. Он произнес это слово с таким видом, будто совсем ее не знал. Они служили вместе три года. Таннов орал на нее, ругался, сыпал в ее адрес угрозами и наказывал. Вечером накануне его повышения по службе она застучала его под мухой. А потом застрелила эльда, положив ружье для устойчивости ему на плечо. Когда же она с ревом ринулась на бросившегося в атаку врага, он прозвал ее «львеночком», после чего эту кличку подхватил весь полк. Как-то раз они поклялись друг другу вместе получить медали Героев Союза. Однако теперь он отвел взгляд и благоразумно отступил в сторону, оставив перед ней открытую дверь.

«Вперед, солдат», – приказала она ногам. Это, по крайней мере, она могла сделать, хотя внутри у нее бурлил коктейль из ярости, тревоги и бренди. В кабинете полковника Кослена стоял запах пота, земли и масла. На столе валялись в беспорядке бумаги, последствия бюрократической войны. Когда Линне вошла, он стоял, сжимая и разжимая кулаки, похожие на два окорока. Полковник был мужчиной внушительного вида – высокий, широкоплечий, с бицепсами размером с голову Линне. Говорили, что до войны Кослен был пастухом: Таннов и его дружок Досторов шутили, что запах коз он любил куда больше, чем запах женщин. Линне же посмеивалась над его знаменитыми усами – воцелеными и завитыми кверху. Они у него подергивались каждый раз, когда он говорил, вздыхал, терял самообладание или же когда сквозь заполнивший его разум мусор пробивалась какая-то особенно трудная мысль. Возвращаясь в казарму после очередного дисциплинарного взыскания, Линне прикладывала над верхней губой палец и двигала им вверх-вниз, описывая настроение Кослена.

Теперь над этой шуткой никто не стал бы смеяться, теперь смеются над ней самой. Кослен изучал ее круглое лицо, темные волосы, хрупкое тело, выискивая незначительные мазки, выдававшие в ней существо женского пола. Линне расправила плечи, не осмеливаясь заговорить.

Так они стояли несколько долгих мгновений. Затем он вздохнул, жестом показав на свое удобное кресло.

– Садитесь, пожалуйста. Чаю хотите?

В ладонях Линне полыхнул жар. Три года он обращался с ней, как с солдатом. И вдруг она превратилась в девушку. *Мисс*. Ей стоило большого труда сохранить бесстрастное лицо. Если она согласится, ее низведут до статуса обычной женщины, аутсайдера, негодного для военной службы. Но если откажется, он может обвинить ее в том, что она не выполняет приказы.

Кослен подошел к серебристому самовару, втиснутому на боковом столике рядом с огромным полковым радио. В последние два года, когда руководители Союза осознали, какими бедствиями грозит обернуться война, нерациональное использование бесценного металла стало серьезным правонарушением. Но офицерам всегда удавалось припрятать какую-нибудь милую безделушку.

Линне скользнула на жесткий стул, предназначенный для подчиненных полковника, положила запястья на стол и застыла.

– Благодарю вас, сэр.

Кослен хотел было подойти к ней, но передумал, повернулся и направился к своему креслу с таким видом, будто собирался сделать это с самого начала. Затем поставил перед ней чашку бледно-золотистого чая и сделал глоток из своей.

– Мисс, вы устроили в нашем полку самый настоящий бардак.

В его тоне чувствовалась преувеличенная вежливость. Джентльмену не полагается орать на леди.

– В самом деле, сэр?

Кослен нахмурился. Он втянул ноздрями воздух, и у него дернулись усы – медленно и словно задумчиво. Кослен мог унюхать, что от нее пахнет бренди. Не надо было ей прикладываться к бутылке.

Он на мгновение умолк, и по его глазам Линне поняла, что он колеблется. Наконец Кослен, по-видимому, принял решение.

– Я не собираюсь терять с вами время зря. Если вам не стыдно за свои поступки, подумайте хотя бы о той опасности, которой вы подвергли членов вашего отряда.

Линне плотно сжала губы. Если солдат смел пререкаться, его посылали драить сортир, хоронить убитых или стоять на часах самой глухой ночью.

Кослен, вероятно, принял ее молчание за раскаяние.

– Война, мисс, – не женское дело, – сказал он.

«Ну да, воюют обычно козопасы», – подумала Линне.

Пытаясь с собой совладать, она представила, как слова, которые она собирается произнести, катятся по железной балке, прочной и устойчивой. Если у нее дрогнет голос, Кослен решит, что она вот-вот расплачется, а не едва сдерживает гнев.

– Я служила честно. Сохраняя верность Союзу и полку.

– Вы отвлекли людей, – ответил Кослен, – они не могут тратить время в бою на то, чтобы заботиться о вашей безопасности. Неужели вы не понимаете? Явившись сюда, вы подвергли угрозе не только их жизнь, но и их разум, их способность к мышлению.

Труссы. Хотя Кослен отказывался признавать этот обман, она его видела. Мужчины опасались, что она больше не сможет делать свою работу. Боялись, что теперь ей никогда больше это не удастся. И все ошибки она допускала именно как женщина, а не как человек.

– Я восхищаюсь вашей отвагой. Вашим мужеством. К тому же Союз высоко ценит... тот энтузиазм, с которым вы продвигались по службе.

– Тогда почему бы вам меня не оставить?! – взорвалась она.

Вот черт, не надо было терять самообладание. Нельзя допустить, чтобы Кослен запомнил ее истеричкой, напоследок подтвердившей все его подозрения.

– Совсем недавно мы снизили призывной возраст. В который раз. А я могу воевать лучше новобранцев.

Кослен стиснул зубы.

– На этой войне, мисс, у каждого свое место. И я уверен, что вам мы тоже подыщем какую-нибудь должность. Должность, которая подойдет вам, поможет бойцам сосредоточить усилия на выполнении задач, обеспечит вооруженным силам стабильность и мощь. Разве для Союза это будет не лучший вариант?

Должность. Он нес суший бред, желая убедить ее занять какой-нибудь административный пост в городе, пока ее друзья отправляются на фронт. Медаль Героя Союза еще никто не получал, сидя за столом. У нее в глазах защипало, и впервые за все время Линне испугалась, что расплачется прямо перед полковником.

Пока ее судьба не решена окончательно, надо что-то сказать. Но что именно, она не знала.

Кослен вытащил папку с ее делом. Внимательно всмотрелся в фотографию и поднял на девушку глаза. Потом опять поглядел на снимок.

От волнения ее бронзовая кожа побледнела, и веснушки на носу проступили еще явственнее. На фото она выглядела вызывающе. Будто говоря каждому, кто на него смотрел: «Только попробуй меня недооценить».

– *Это действительно я.*

– Что вы, простите, сказали?

– Фотография. Я ее не подделывала, ничего такого.

– Понятное дело. Но мне кажется, что на самом деле вас зовут не Алексей Набиев.

Кослен взял гладкое перо со стеклянным наконечником, окунул его в чернильницу и перечеркнул вторую личность Линне. Стер из прошлого три года ее жизни, три года преданности и веры.

– С кем имею честь?

– Линне Алексеевна Золонов, – ответила она, намеренно опустив в конце фамилии *a*, свидетельствующее о принадлежности к женскому полу.

Перо в его руке прыгнуло и прочертило на странице жирную черную линию. Кослен выругался и поставил кляксу. Линне фыркнула, но тут же сделала вид, что закашлялась, – когда она увидела, что в чистом, не заляпанном чернилами углу страницы он нацарапал ее настоящее имя, ей стало не до смеха. Он снова внимательно посмотрел на снимок, на этот раз явно пытаясь увидеть кого-то другого. В линиях ее лица, в очертаниях фигуры Кослен старался разглядеть высокого, бледного отца Линне. Но он не найдет сходства. Она пошла в мать.

– Как зовут вашего отца?

– Алексей Ильич Золонов, – подтвердила она его догадку.

Генерал. Герой Союза. Заместитель командующего сухопутными войсками вооруженных сил страны. Его считали четвертым по степени могущества лицом в государстве. А дома он как-то раз пошутил, что хоть он и четвертый, зато может оказывать сильное влияние на первых троих.

Голос Кослена сорвался.

– А он... Отец знает, что вы здесь?

Линне немного помедлила с ответом, чтобы насладиться выражением откровенной паники на его лице.

– Разумеется, нет.

Отец обладал огромной властью, но даже ему приходилось подчиняться определенным правилам.

Кослен не отрывал глаз от своих каракулей. Она видела в них яростную борьбу – а может, что важнее, не в глазах, а в усах.

– Мисс, вы не могли бы подождать пару минут на улице?

– Могла бы, сэр, – ответила она.

Кослен этот ее укол проигнорировал. Направляясь к двери, она услышала потрескивание включаемого радио.

После душной атмосферы кабинета воздух снаружи казался чистым и бодрящим. Линне сделала глубокий вдох. Найди она достаточно убедительный аргумент, Кослен, возможно, передумал бы. Она могла бы назвать официально засвидетельствованное число поверженных ею врагов, сослаться на свой талант снайпера и рассказать, сколько набрала баллов на последнем экзамене для радистов. Потом напомнила бы, как когда-то спасла ему самому жизнь, проломив челюсть солдату Эльды. Хотя вспоминать об этом она не любила.

Ее мысли вмиг улетучились: Таннов по-прежнему болтался недалеко от входа. На его лице застыло терпеливое выражение солдата, которого в любой момент могут позвать назад, чтобы устроить очередную словесную порку. Рядом с ним стоял Досторов. Его стоический вид портила зажатая в зубах, докуренная до самого фильтра сигарета. Однажды он сказал, что пошел в армию только затем, чтобы сэкономить на расидине, и Линне не была уверена в том, что это шутка. Голову Досторова окутывало привычное облако едкого дыма. Кричащие краски заката за их спинами приобрели более глубокие тона. Парни наверняка могли бы сейчас найти для себя местечко и получше. Что они вообще здесь делают? *Не теряй бдительность.*

– Ну и?.. – произнес, наконец, Таннов.

– Ну *ичто*? – хотела спросить его она.

Но это наверняка привело бы к неизбежному «*стало быть, ты девушка*», а начинать этот разговор после того как он, однажды вломившись к ней, застал ее без рубашки, было бы глупо. Кослен и без того изрыгнул на нее из своей пасти столько бюрократической дряни, что она теперь несколько месяцев не сможет успокоиться.

Досторов сплюнул окурок в грязь. В окрестных казармах было тихо – народ отправился ужинать в противоположный конец базы. Мимо прошли несколько конструкций из живого металла, выполнявших мелкие поручения, и, будто безмозглые пауки, сновавших туда-сюда, доставляя донесения или посылки. Линне предпочла не задаваться вопросом, зачем парни рядом с ней несут этот странный, молчаливый караул, а напроць их проигнорировать.

Так они простояли несколько минут. Затем Таннов сказал:

– Как тебе это удалось?

– Что именно?

Пальцы Таннова с тихим треском озарились светом – это вспышки искристой магии исчезли в Узоре. В обращении с искрами он всегда был худшим из них. Но на этот раз Таннов не обратил никакого внимания на мерцание. Он неподвижно смотрел на нее серьезными, слишком блестящими глазами. Возможно, тоже хлебнул бренди.

– *Три года*. Кто бы мог подумать... А я ни о чем даже не подозревал.

Он повернулся к Досторову и сказал:

– А ты знал?

– Нет, конечно же, – ответил тот, затем поднял голову и посмотрел на просвет в облачном покрове, через который уже проглядывали первые яркие ночные звезды. Жалкие остатки надежды Линне как ветром сдуло. Даже если они не станут свистеть ей вслед, она все равно больше никогда не будет старым добрым Алексеем.

– Я даже ни разу не видел, как ты отливаешь. Ну, то есть... мочишься... – сказал Таннов, и Досторов тут же ткнул его в плечо, – словом...

– Прекрати! – рявкнула она.

Таннов окаменел. Он выглядел оскорбленным, словно никогда не видел, как она выходила из себя, как колотила его, как воровала у него сигареты, как выигрывала в карты. И ей было прекрасно известно почему. Все, что ей нужно было им сказать, застряло в горле, задушенное праведным гневом.

У Линне зачесались ладони. Она была солдатом ничуть не хуже Таннова. А в некотором отношении даже лучше. Выбивала быку глаз, ни разу не дав осечку. Могла отстрелить смешной ус полковника Кослена, не пролив ни капли крови. И была способна так полыхать искрами,

что солдат эльды отлетал на десять шагов назад и шмякался о землю. Но Таннов с Досторовым через пару дней вернутся на фронт, а она, к неудовольствию отца, отправится на север протирать штаны в каком-нибудь кабинете.

Ладони больше не чесались, теперь их жгло. Прекрасно понимая, что ничего такого делать не нужно, она вытянула руки вперед и превратила свои искры в раскаленный светящийся шар, который повис перед ней. Женщинам искристой магией заниматься не возбранялось. Она могла бы поджечь шнурки ботинок Таннова, чтобы он потом несколько недель спотыкался при ходьбе, пока ему не выдали бы новые со склада. Или взорвать очередную сигарету, которую Досторов никак не мог прикурить, сверкая своими собственными искрами.

Ей хотелось кричать: «Что вы здесь делаете?!» Неужели они после ее ухода вновь отправятся с важным видом в столовую, разыгрывая в лицах крах Алексея Набиева?

Дверь кабинета Кослена открылась. Они рассыпали свои искры, как три нашкодивших школьника. Те полыхнули вдоль линий Узора, и Линне отпустила свои тоже.

Полковник Кослен взирал на нее, подняв брови – и, каким-то образом, усы.

– Эй, вы двое, – обратился он к парням, – если у вас так много свободного времени, отправляйтесь-ка в наряд на кухню. Сгиньте с глаз моих.

Затем его голос смягчился, в нем появились слащавые нотки.

– Мисс, не могли бы вы пройти со мной в кабинет?

– Могла бы, сэр, – ответила Линне.

Он отошел в сторону, и она вынуждена была позволить ему придержать для нее дверь. Переступая порог, она оглянулась и увидела, что Таннов с Досторовым уже исчезли в блекнувшем свете.

Может, надо было с ними попрощаться? Но старина Алексей тоже не стал бы ничего такого делать.

Они с Косленом опять сели.

– Я только что говорил со штабом вашего отца, – сказал полковник.

– Быстро вы, – тихо пробормотала Линне.

Она не предполагала, что Кослен услышит ее слова, однако он произнес:

– Генерал очень озабочен вашим благополучием. Он был уверен, что вы в школе.

Что как раз демонстрирует степень его озабоченности. Сбежав из дома, она не опасалась, что он бросится ее искать. Его жизнью и единственной любовью была война, совершенно не оставлявшая времени на детей.

– Вам, мисс Золонова, оказывается, очень повезло.

Повезло. По всей видимости, это означало, что отец собирался приехать за ней лично.

– Пока это решение носит неофициальный характер, однако...

– Что?

Линне подалась вперед, слишком поздно вспомнив о необходимости называть его «сэром», но он, похоже, не обратил на это никакого внимания.

– Принято решение учредить полк, в котором на фронте смогут воевать женщины, – ответил он.

Не надо так волноваться. Члены этого подразделения, наверное, будут ухаживать за ранеными, готовить убитых к захоронению или заниматься другими делами, подразумевающими нахождение в тылу, а не на передовой.

– Что вам известно о летающих машинах? – спросил он.

Полковник скривил рот, словно эти слова оставили после себя горький привкус.

Ее сердце ухнуло куда-то вниз.

– Об аэропланах? Узорный воздушный флот Эльды, сэр. Запрещенное колдовство.

– Хмм... Что ж, командир отряда, вероятно, сможет найти вам применение. Она как раз подыскивает девушек, обладающих опытом в инженерном деле, боевом использовании искр и... – Кослен запнулся и нахмурил брови. – ...способных к другим видам магии.

Другие виды магии. Полковник мог иметь в виду только одно – магию Узора. От одной мысли об этом у нее по коже побежали мурашки. Узор окутывал собой мир и защищал его. Но те, кто им пользовался, дергали за его нити, нарушая их порядок и запутывая так, что целые земли умирали и потом стояли опустошенными, а сотворенные клубки становились опасными очагами магии.

Эльды работали с Узором, по-видимому, не заботясь о последствиях. Но в Союзе этот вид магии запретили еще до того, как он стал Союзом. Неужели они в таком отчаянии, что решили отступить от собственных принципов?

Или, что вероятнее, они отчаялись ровно настолько, чтобы позволить отступить от этих принципов женщинам. Линне опять пришлось сделать над собой усилие, чтобы сдержать в голосе дрожь.

– При всем моем уважении, сэр, я бы принесла больше пользы Союзу в рядах действующей армии.

Она умела воевать и заботиться о друзьях. Знала, как идти вперед и как попытаться счастья, чтобы получить медаль Героя Союза. А еще знала, что все делала правильно. Она ведь спасала Союз, а не разрушала его.

– Если вы служили на передовой, то послужите и в ведомстве Мистелгарда, – сказал Кослен, – это самое большее, что я для вас могу сделать.

Вот так. Если она вступит в этот женский полк, то навсегда запятнает себя связью с запрещенным Узором. А если откажется, ее отошлют обратно к отцу как неудачницу. Причем неудачницу строптивую, если уж на то пошло. Два качества, которые так презирает ее отец.

– Как я могу стать пилотом, если никогда не прибегала... к другой магии?

– Если предпочтете отправиться домой, я распоряжусь, чтобы вас забрал ближайший транспорт.

Полковник повернулся к радио.

– Нет!

Внутри вспыхнула искра – настолько обжигающая, что Линне испугалась, как бы она не брызнула из ее сжатых кулаков и не прожгла в полу кабинета дымящуюся дыру. Домой ей дороги не было. Стать секретаршей она тоже не могла. Не могла бросить на фронте друзей, сражающихся с эльдами, и позволить отцу запереть ее в доме. Отцу, которому и дела никакого не было до ее способностей. Которого заботило только одно – как он будет выглядеть в свете ее действий и поступков.

Кослен повернулся и бросил на нее изучающий взгляд. Его палец поглаживал ручку радио.

В горло Линне запершило от нахлынувшей горечи, и она ухватилась за свою ярость. Если хоть на миг дать слабину, ее ждет крах – Кослен объявит ее негодной к службе даже в экспериментальном, не слишком легальном полку.

– Я почту за честь вступить в это подразделение, сэр.

Она сжала кулаки и не разжимала их, пока ногти не врезались в ладони, пока боль не загнала ее искры обратно. Несколько лет назад она дала себе зарок сражаться, как отец, – и сражаться вопреки отцу.

«И это обещание я сдержу, – подумала она, уткнувшись взглядом в макушку полковника, – сколько бы таких мужиков, как ты, ни встало на моем пути».

3

Не уппусти свой шанс

Около полуночи на входной двери Ревны звякнула щеколда. Серым силуэтом вошла мама со спящей Лайфой на руках. Она надавила на дверь плечом, чтобы запереть ее, и вздохнула.

– Я дома, – прошептала Ревна, не вставая с кровати.

Мама тихо вскрикнула.

– О Гос...

Потом закрыла ладонью рот; от этого движения Лайфа ударилась головой о косяк и заплакала.

– Я здесь.

Ревна потянулась к ней, мама подошла и усадила Лайфу себе на колени.

Ее лицо было серым, почти как форма. Слой пыли и пепла покрывал волосы, окаймлял нос и припорошил губы. Слезы, покотившиеся из ее глаз, оставляли потеки, превращавшиеся в грязные полосы, когда она стирала их ладонью. Мама склонилась, обняла Ревну и с такой силой прижала к себе, что та почувствовала дрожь в ее теле. Между ними, ничего не понимая, устало плакала Лайфа, потирая ушибленную голову.

Пока Ревна держала сестренку на руках, укачивая ее, мама стащила с себя шинель.

– Лайфа, – прошептала она, и плач сестры тут же стал затихать.

К ней возвращался слух, хотя для того, чтобы это проверить, можно было придумать и способ получше.

– Какое у тебя любимое созвездие?

Лайфа шмыгнула носом.

– Сернобык Бренна, – произнесла она тихим голосом, все еще осипшим от слез.

Ей было четыре года и три месяца, но она знала названия звезд, о которых Ревна никогда не слышала.

– Какая же ты молодчина! – сказала она, крепче прижимая сестру.

Лайфа, когда вырастет, станет отличным астрономом. Если им будет суждено пережить войну. Если они смогут позволить себе купить ей книг по физике, математике и астрономии. И если сумеют убедить зачислить ее в академию, куда принимают одних только мужчин. А как мама собирается все это сделать, если Ревну вот-вот арестуют за использование Узора?

Когда мама протерла лицо Лайфы влажным полотенцем и передела ее в ночную рубашечку, Ревна стащила форму, взяла к себе сестренку и легла. Вверх по ноге по-прежнему змеились полосы боли. Ее протезы ударились о стену с утомительным, пугающим грохотом. Она сосредоточилась на дыхании сестры, пытаясь попасть с ней в ритм по мере того, как оно становилось все размереннее.

Мама тоже обтерла лицо влажным полотенцем и скользнула в кровать по другую сторону от Лайфы. Обычно она спала наверху, в постели, которую делила с папой, пока его не забрали. Но сегодня она легла с дочерьми, придвинула к себе Лайфу поближе и погладила волосы Ревны на затылке.

– Что случилось? – спросила мама.

– По дороге на нас сбросили бомбы... – осторожным шепотом принялась рассказывать свою историю Ревна, давясь словами от стыда.

Какой же она оказалась трусихой! Ну почему она подумала сначала об Узоре и только потом о семье? Что с ними будет, когда ее объявят изменницей? Однако Ревна обязана была сказать правду. Если ее арестуют, мама должна знать за что.

После того, как они чудом остались живы, скаровец проводил ее до двери дома и поспешно ушел, на прощанье сказав:

– Никуда не отлучайся.

Ревна ничего не понимала. Может, он ждал, когда появятся остальные члены ее семьи, чтобы арестовать всех вместе?

– Бедная ты моя, – сказала мама, когда она закончила.

Они с папой ругали Ревну за попытки использовать Узор, настаивая, чтобы она училась обращаться с искрами, единственной законной в Союзе магией. Однако забыть Узор она не смогла и по-прежнему пользовалась им, когда никто не видел. Научилась скользить по его нитям над землей, а однажды даже взлетела до второго этажа, где спали мама с папой. Но Узор таил в себе угрозу, и из любви к Союзу она себя останавливала.

– Прости, – сказала Ревна.

Ей следовало держать себя в руках, особенно сейчас, после ареста папы. И не надо было продолжать упражняться с Узором, даже понемногу и втайне ото всех. Сейчас, вероятно, ее уже не было бы в живых, но маму по причине траура хотя бы отпустили бы с работы на пару дней.

– Когда закрыли бункер, я так испугалась, что ты...

Мама сильнее прижала ладонь к затылку Ревны.

– Ладно, все хорошо, – произнесла она, придвигаясь ближе.

Нет, все было совсем не хорошо, все было хуже некуда, и они обе это знали, но что еще она могла сказать?

– А миссис Ачкева все ныла по поводу своей собаки, которую ей запретили взять с собой в убежище. Будто у нас там хватит воздуха для всех божьих тварей на земле...

– Мама, – тихо предостерегла ее Ревна.

– Да знаю я, знаю, – сказала мама, слегка шлепнув ее по руке.

Раньше она была религиозной и каждую неделю ходила в храм. Теперь больше не молилась, но упоминала бога чаще, чем стоило хорошей гражданке Союза.

– Но тебя с нами не было, и не только тебя, а эту женщину беспокоил только ее несчастный пес...

Она вздохнула.

Из груди Ревны тоже вырвался вздох. Им было уютно лежать в постели втроем. Ей очень хотелось испытать облегчение от того, что им удалось пережить налет, но она в это до конца не верила.

– Утром я напишу папе письмо, – сказала мама, – если хочешь, можешь добавить в него пару строк.

Ревна ничего не ответила. Ком у нее в горле разросся до запредельных размеров. Конечно, она хотела черкнуть папе пару слов. Ему самому писать не разрешалось, но они могли посылать ему письма, из которых наверняка многое вычеркивал какой-нибудь скучающий офицер из Контрразведывательного департамента на тюремном острове.

– Знаешь, а ведь он бы тобой гордился.

Ревна издала тихий звук – то ли смешок, то ли фырканье, то ли всхлип.

– Потому что я нарушила закон?

К кончику ее носа скользнула слеза.

– Потому что спасла человеку жизнь, – ответила мама.

– Даже если этот человек скаровец?

Мама смахнула большим пальцем слезы.

– В этом случае – особенно. Непросто заставить себя спасти того, кого ненавидишь.

Она задышала ровнее, и не успела Ревна придумать подходящий ответ, как мама уже спала.

* * *

К предрассудкам и бесполезным традициям Союз относился неодобрительно, но Ревна выросла среди подобных суеверий, а одно из них даже относилось непосредственно к ней самой. Она считала себя проклятием. И думала, что из-за нее проклята вся их семья. Каждый раз, когда в ее жизни происходило что-то хорошее, с близкими неизменно случалась беда. Когда папа воспользовался заводскими отходами производства, чтобы сделать ей новые протезы, она стала ходить даже быстрее, чем до того несчастного случая. А потом его арестовали. Если же у нее на заводе выпадал хороший день, мама с Лайфой приходили домой в слезах. А сегодня она пережила на улице налет, но ее поймали на использовании запрещенного Узора, и маму теперь все заклеят как женщину, у которой в семье сразу два предателя.

Ревна думала, что не сможет уснуть, но водоворот ужасных мыслей все же сменился сновидениями, в которых мелькали пыль и серебристые шинели, и когда в дверь, наконец, постучали, сквозь плотные шторы светомаскировки уже пробивался свет. Мама проснулась, с тревогой посмотрела на нее, приладила ладонью волосы и пошла открывать. Что-то прошептала тому, кто стоял на пороге, закрыла дверь и отдернула шторы. В комнату хлынул свет; Лайфа что-то пробормотала в полусне и глубже зарылась под одеяло. Ревна села.

– В чем дело? – спросила она хриплым со сна голосом.

Мама взяла свою форму и поскребла оранжевое пятно размером с ладонь.

– Заводы не остановились, – сказала она, – и если сегодня мы выйдем на работу, нам заплатят сверхурочные.

Она была поваром на одном из тамминских предприятий по производству взрывчатки и каждый вечер приносила с собой домой запах капусты и чеснока.

Ревна прислонилась спиной к передней спинке кровати и взяла на руки закутанную в одеяльце Лайфу.

– Эльды их не разгромили?

– Ни одного.

Мама положила в печку поленце и взяла почерневший чайник.

– Так что их Драконы дали маху.

Ревна вспомнила рушившиеся вокруг здания и дым, который поднимался над ними прозрачной стеной, возвещая, что пришел конец ее жизни. Она уложила Лайфу обратно в постель и бросилась к краю кровати за своими ногами.

Мама стояла, склонившись над разгоравшимся в печке пламенем; услышав шум, она подняла глаза.

– Что ты делаешь?

– Если заводы не остановились, то мне тоже заплатят сверхурочные, – сказала Ревна.

– Ну уж нет, – замахнулась на нее чайником мама, – тебе не нужно привлекать к себе внимание. Каким бы чудом ты вчера ни спаслась, у меня нет никакого желания рисковать.

Чудо, проклятие. Она знала, что мама не захочет ничего такого слышать, поэтому лишь подняла с пола свою форму и сказала:

– Скаронец знает только где я живу. Но не где я работаю.

И с этими словами стала одеваться.

– Что ты холод напускаешь? – донесся из-под одеяла голосок Лайфы.

Ревна хлопнула живой комок рядом с собой.

– Уже светло, Лайфа, пора вставать. Если хочешь, можешь помочь мне управиться с моими ногами.

Когда сестренка высунула из-под одеяла носик, Ревна уже застегнула на форме последнюю пуговицу и потянулась за протезами. Сначала натянула носки – две длинные трубы, сши-

тые из старых мешков для муки. Они служили защитой от тонкого листа из живого металла, который затем обхватывал ее ноги, плотно прилегая к икрам. В верхней части каждого листа была застежка, с помощью которой протезы крепились к ногам. Ревна позволила Лайфе туго затянуть ремешки на протезах, продев их в три пряжки на лодыжках и коленях. Все остальное сделал живой металл, заключив ее в свои крепкие объятия. Ноги после вчерашнего все еще болели, а протезы подрагивали от страха. Она потеряла живой металл в районе застежек, стараясь мысленно его успокоить. Но все ее мысли занимал скаровец, а скаровцы никогда не приносили покоя.

Глядя на нее, мама недовольно поджала губы.

– Налет застиг тебя за пределами бункера. И если ты возьмешь выходной, ничего позорного в этом не будет.

– Если я не пойду, то двойную смену за меня отработает кто-нибудь другой.

Во славу Союза. Хуже того, у скаровцев появится еще один повод ее арестовать. Но и это не самое плохое. На заводе никто не осудит ее за то, что она осталась дома. «Бедняжка так быстро устает», – судачили у нее за спиной.

Мама вздохнула, втянув носом воздух. Затем закутала Лайфу в куртку, слишком большую для нее, и отвела к соседям. К тому времени, как она вернулась, Ревна уже успела встать и налить себе чашку чая. Ее спецовка задубела от пыли и при каждом движении похрустывала. От Ревны воняло дымом и гарью. Но пожарищем пропах весь город, так что ничего страшного.

– Я отвезу тебя перед работой, – сказала мама, – где твое кресло?

– Под каким-нибудь домом. Я вполне могу добраться и сама.

– Чтобы миссис Строгие Правила уволила тебя за то, что ты прибыла не в коляске?

Мама закатила глаза и вывезла из кладовки запасное кресло. В нем Ревна могла с грохотом двигаться только по ровной дороге, но его сделал папа, и она очень его любила.

Пока ее не сбила та телега, Ревна терпеть не могла сидеть на одном месте. Вечно где-то носилась, и угнаться за ней не удавалось даже папе. А потом случилась беда. Ей тогда было девять, и она, наслаждаясь полной свободой, ветром летела над землей. А пришла в себя уже в заводской больнице Таммина. Ноги ниже икр были объаты огнем.

Правую ей ампутировали чуть выше лодыжки, левую пониже колена. Поначалу ее ежедневно изводили фантомные боли, простреливая там, где у нее когда-то были лодыжки и ступни, словно они, уснув, требовали хорошей встряски. Когда она увидела топорные, похожие на ходули деревянные протезы, сделанные папой, ее затошнило. Но она научилась на них ходить, а когда они стали малы, папа сделал новые. С каждой новой версией они, по ее ощущениям, становились все лучше и лучше. Наконец он принес с завода достаточно обрезков, чтобы сделать ей ноги из живого металла. Когда она выросла окончательно, он их хорошенько подогнал, и теперь о ней, по-своему, уже заботился металл. Она могла ходить не хуже других, но у них в доме все равно хранились кресла-коляски, на тот случай, если она устанет. А теперь они нужны были и для ее работы.

Она застегнула куртку и сняла с вешалки у двери чистый шарф. Мама заправила его под куртку, наклонилась и поцеловала дочь в лоб.

– Я рада, что ты здесь, – сказала она.

– Я тоже, – ответила Ревна.

Вновь раздался стук в дверь.

– Кто там? – спросила мама и бросилась открывать.

Ее отодвинул в сторону человек в серебристой шинели. *Тот самый* скаровец, которого спасла Ревна. С ним были еще двое.

Проблема заключалась в следующем: ее пришли арестовывать.

Для нее такой поворот событий не стал неожиданностью. Она думала об этом полночи. Но все же теперь у нее дрожали руки, а живой металл протезов невольно впился в икры.

– Ревна Рошена? – произнес скаровец.

Судя по виду, он не спал всю ночь. Один его спутник щеголял подбитым глазом, другой тербил полу порванной шинели.

– Что вам угодно, господа? – спросила мама.

Она стояла, сплетя перед собой пальцы рук и слегка склонив голову, – сама вежливость и любопытство. Но Ревна видела, как побелели костяшки ее пальцев и как дрогнул подбородок, когда она сглотнула.

Скаровец не сводил глаз с Ревны.

– У нас дело к вашей дочери.

Мама вздернула подбородок.

– В таком случае вам придется иметь дело и со мной.

– Все в порядке, – вмешалась в их разговор Ревна.

Маме нельзя было сходить с ума и спорить с этим скаровцем, ей надо позаботиться о Лайфе.

– Ты опоздаешь на смену.

Скаровец бросил взгляд на товарищей и сказал:

– Если хотите, можете пойти с нами.

– Мама... – начала Ревна.

– Садись в кресло, – ответила та.

Дочь понимала, что делала мама. Она пыталась выставить ее беспомощной и невиновной. Если они одурачили миссис Родойю, заставив недооценивать девушку, то почему бы этот трюк не повторить и со скаровцами? Ревна не думала, что это сработает, но все же села в кресло и промолчала, когда мама покатила ее к двери. Ее взгляд задержался на предметах, которые ей хотелось запомнить. Плита. Кривобокий пандус, который папа положил поверх щербатых ступеней крыльца. Береза, вызывающе пробившаяся сквозь каменистую почву во дворе. До несчастного случая она не раз на нее залезала. И всегда хотела когда-нибудь попробовать опять. А сегодня, вероятно, видела ее в последний раз.

Таммин представлял собой странное сочетание развалин и порядка. Дома горделиво возвышались рядом с кучами битого кирпича – жалких остатков человеческих жилищ и пожитков. Спасатели из группы быстрого реагирования с помощью открытых платформ из живого металла уже расчистили проходы к заводскому кварталу. Увидев странную процессию, они замерли на месте, и Ревна поняла, что еще до захода солнца эта новость разлетится по всему Таммину. Новость о том, что дочь предателя тоже увели.

Положив на колени ладони, Ревна старалась не обращать внимания на шепот за спиной. Вот так ее и запомнят. Не как девушку, которая никогда не опаздывала, упорно трудилась и оставалась на работе допоздна. У миссис Родойи никогда не было причин ее наказывать, да и девочкам на конвейере она ни разу не дала повода питать к ней неприязнь. С живым металлом она ладила лучше всех на заводе и умела успокаивать его одним прикосновением руки. Но этого помнить не будут. Она была инвалидкой и такой же предательницей, как ее отец. «СПЛЕТНИ МЕШАЮТ СОЗДАВАТЬ БОЕВЫЕ МАШИНЫ», но именно сплетни в Таммине всегда выступали в роли движущей силы.

Скаровцы петляли по городу, неизменно натываясь на завалы, превратившие улицы в тупики, возвращаясь и выбирая новый путь. Мама с Ревной немного от них отстали. Наконец, они миновали квартал оборонных предприятий и оказались в более престижном районе города. Здесь повреждения были куда значительнее, многие дома угрожающе накренились, готовые вот-вот обрушиться. Спасатели из группы быстрого реагирования и молодые граждане разбирали завалы, окликая друг друга каждый раз, когда им казалось, что они нашли выжившего. Одна из бригад достала из-под руин обрушившегося дома безжизненное тело, и мама,

увидев это, погладила Ревну по плечу. Девушка впервые со вчерашнего вечера обрадовалась, что воспользовалась Узором.

Таммин был не первым многолюдным городом, который эльды избрали своей целью. Четыре года назад враг на первых прототипах своих летательных аппаратов совершил налет на форпост Гореву – небольшой горнорудный городок на периферии Союза. К утру была объявлена война. В Таммине все полагали, что двенадцатилетнее перемирие между Эльдой и Союзом означало затишье, но первая же бомбардировка положила ему конец.

Эльды совершили внезапный, массированный налет, чтобы спасти Божественные территории – священные места, где землю, по их убеждению, благословил тот или иной бог. Они заявили, что поскольку главнокомандующий Союза Исаак Ваннин считает, что никакого бога нет, ему невозможно доверить заботу об этих священных местах. Древние легенды гласили, что Гореву благословила богиня утра. Эльды были недовольны тем, что Союз вырыл на этой территории котлован для добычи золота, серебра и живого железа.

Ревне всегда казалось странным, что после захвата Горевы добыча так и не прекратилась. Сырьевые ресурсы попросту перешли к эльдам. Причем ресурсы эти они использовали для производства Небесных коней и Драконов, способных летать все дальше и дальше на север, до самого Таммина, прилегающих к нему фермерских полей и окружающего их леса Телташа. В определенном смысле именно это привело к тому, что Ревну теперь под конвоем вели через весь город. И что дальше? Доходы их семьи вновь сократятся, и тень гражданина второго сорта будет сопровождать каждый шаг Лайфы, пока она не вырастет. Даже если через пару лет война закончится, ее все равно накажут – школой, в которую ей придется ходить, работой, на которую ей позволят устроиться. «Не плачь», – сказала себе Ревна. А то скаровцы подумают, что она боится. А ведь ей и в самом деле было страшно. Но еще больше душила злоба.

Их путешествие завершилось в импровизированном военном лагере, выросшем всего за одну ночь. Огромные двухэтажные дома губернатора, владельцев заводов и богатых торговцев не избежали столкновения с огнедышащими Драконами, но некоторые из них были не сильно повреждены. Стекла их окон покрывала пыль, обломки между гофрированными декоративными колоннами уже убрали. Работами по расчистке и восстановлению и здесь руководили люди в серебристых шинелях, проверяя документы и занимаясь своими обычными делами, которые входили в их обязанности, когда они не заключали людей под стражу и не препровождали их далеко на север.

Скаровцы подвели мать и дочь к величественному строению с зеленой черепичной крышей. В палисаднике перед ним росли чахлые цветы, уныло цеплявшиеся за жизнь. На всем лежал неизбежный налет пыли от бомбардировок. В мирное время Ревна расплакалась бы, увидев этот дом. Но теперь была рада и ему, не такому уж вычурному, уцелевшему в квартале, который Драконы обошли стороной.

Мама провезла Ревну по узкой, выложенной плитняком дорожке до входной двери и осторожно вкатила кресло через порог в коридор. По сравнению с другими особняками, в которых девушке приходилось бывать, холл здесь был просто крошечный, а все изящество интерьера блекло на фоне царившего хаоса. На паркетном полу, инкрустированном идеальными геометрическими узорами, подсыхали грязные следы ног. На голубых обоях красовалось темное пятно, природа которого отбивала у Ревны всякое желание к нему присмотреться. В углу валялось дерево в перевернутой кадке, ветки которого были усеяны крохотными зелеными плодами, и никому даже в голову не пришло не то что убрать грязь вокруг, но хотя бы придать растению вертикальное положение.

У парадной лестницы выстроились бутылки – надо полагать, пустые, – а во всем холле стоял кисловатый запах. Наверху кто-то закричал. Ревна впилась руками и подлокотники кресла.

Скаровец в порванной шинели помчался наверх.

– Ваше кресло, мисс, – сказал его утомленный товарищ.

Узкий холл за лестницей переходил в коридор с чередой комнат. Ее старое, громоздкое кресло там просто не пройдет.

– Нам придется вас нести, мисс.

– Нет, – ответила она, совершенно не подумав.

Слово сорвалось с губ сильным и злым звуком. Ревна вспыхнула. Но если ей пришел конец, она не хотела бы его встретить в объятиях палача.

– Я пойду сама.

Она схватилась за балясину у подножия лестницы, осторожно сняла ноги с небольшой полочки, специально вырезанной для них отцом, и встала.

А когда почувствовала, что твердо стоит на ногах, вновь перевела взгляд на скаровцев. Утомленный бесцеремонно пялился на ее ноги, хмуро разглядывая острые металлические пальцы. Подбитый глаз и вовсе избегал смотреть на нее.

– Сюда, – сказал утомленный, протиснувшись вперед.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.